

Идя домой, он соображал, что от смерти будет одна польза: не надо ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а так как человек лежит в могилке не один год, а сотни, тысячи лет, то, если сосчитать, польза окажется громадная. От жизни человеку – убыток, от смерти – польза. Это соображение, конечно, справедливо, но всё-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая даётся человеку только один раз, проходит без пользы?

Антон Чехов. Скрипка Ротшильда

1

Ещё не расцвело, было пять часов утра, городок спал. По дороге, укутанной туманом, бежал трусой высокий мужик. В синем спортивном костюме, красной шапочке, смешно подпрыгивал, иногда разводил руками.

В самую рань бегуна никто не видел на безмолвной окраине. Ему хотелось подскочить, уцепиться за толстую ветку сосны, подтянуться, считая: «Раз, два, три...». Он выбирал взглядом дерево, когда уловил шум мотора, и принял ближе к обочине.

В тумане черный «Форд» осторожно переваливал с пригорка на пригорок, будто пантера, завидевшая добычу. Свет фар выхватил край дороги, красную шапочку, мужика до пояса. Мужик исчез, снова возник.

– Что за приведение? – повернулся господин Краснощёков к водителю. – Уж черти в красных шапочках мелькают, а я всё никак не могу уснуть!

Краснощёков имел привычку не спать в машине, вагоне, самолете. Так была устроена его чувственная натура.

Шофер, мужик местный, повидавший на своём веку разных гостей, именитых и не очень, усмехнулся:

– Сдается мне, товарищ начальник, то мелькнул хозяин, к кому мы и едем. Пробежки у него – хобби.

– Я ещё вчера сказал, не называйте меня начальником, – раздражённо бросил Краснощёков, – просто Валентин Васильевич.

– Извиняйте, Валентин Васильевич, – исправился шофёр. – Думаю, это был он.

Ехали молча.

– Где же твой хозяин? – обратился Краснощёков к шофёру, а сам всё всматривался в извивающийся клоками туман, но не видел никакой красной шапочки.

– Свернул куда-нибудь, – отозвался водитель.

«Форд», миновав несколько улиц небольшого городка Сосновогорск, въехал в переулочек и остановился у кирпичного особняка. Это была гостиница с названием «Урочище», она принадлежала богатой, известной в городке даме Зое Завидовой.

Краснощёков в отведенном номере приятно удивился изысканной обстановке. Когда он заглянул в ванную и открыл кран – хлынула горячая вода.

– Глухомань! – вырвалось у него. – Вот тебе и глухомань!

Позавтракав с рюмкой коньяка, Валентин Васильевич строго наказал шофёру: «Меня не беспокоить! Отосплюсь за ночное бдение».

... Скупое солнышко предвзято осветило горизонт. Слабые лучи упали на землю. Набежавшие тёмные облака скрыли их. Лёгкий ветерок просыпал то снежную крупу, то настоящий снег. Белые пушинки попадали Василькову за воротник, приятно охладили шею. Утренняя пробежка придала ему необыкновенную бодрость.

Он приходил первым из всех служащих администрации. Это осталось с той поры, когда был директором лесокомбината. «Деревяшку», так звала комбинат жена Елизавета Алексеевна, он не оставил бы ни за что. Если бы не народные ходоки. «Пойди на главу!» – пришли они к директору и стали просить. «Зачем? – возразил Васильков. – У меня настоящее дело! Чего я зыбыл на посту главы?»

Ходоки, однако, не отставали. Они использовали всякие средства, наконец, наступили директору на «больной мозоль».

«Если Белявский станет главой, а он может вполне стать, – доложил один из ходоков, – то сразу продаст «Центр детского творчества». Он это пообещал бизнесменам...».

«Как продаст? – не понял Иван Иванович. – Обождите! А где ребятам танцевать, петь?».

«Пусть в школах и поют, и танцуют, и рисуют, – сказал Белявский, – продолжали ходоки. – Он продаст не только центр! Найдёт ещё чего продать...»

«Поют в школах! – протянул изумлённый Иван Иванович. – Ничего себе! Что ещё за новости?»

И он уступил ходокам.

Васильков был личностью известной и уважаемой, поэтому народ отдал за него много голосов.

Третий год Иван Иванович начальствовал в городе и районе.

С утра Васильков просматривал сводки по надоям молока и по спорту. Кое-кто смеялся над ним, особенно в области. Иван Иванович серьёзно возражал: «Кому нужны больные да инвалиды? Здоровый человек – он и государству даёт крепость».

В кабинет вошёл помощник главы Виктор Булочкин.

– Какие у нас события? – спросил глава.

– Только что передали штормовое предупреждение, – ответил помощник. – Обещали сильный ветер, снег, возможно, ураган.

– Серьёзное дело, – забеспокоился глава. – Доведите информацию всем службам, чтобы были готовы в случае чего принять срочные меры.

– Ещё что? – поднял глаза Васильков.

– Прибыл инспектор по федеральной линии, господин Краснощёков, – доложил Булочкин. – Пока он отсыпается в гостинице у Зои Завидовой. Когда ему назначить время?

– Давай завтра с утра, часов в одиннадцать, – предложил глава. – Покажите ему город, район. Да, кстати, по какому поводу он приехал?

– Кто его знает, – уклончиво протянул Булочкин. – Говорят, по кладбищенской истории.

– Выдленного яйца не стоит эта история, – вздохнул Васильков, – а всё её крутят да крутят. А, может, и к лучшему? Может, инспектор разберётся, поставит точку в этой канители...

Возникла «канитель» не вчера.

Хозяин кабинета припомнил, как два года назад на приём пришли жители Сосновогорска. Он усадил их за стол, угостил чаем.

– Пора кладбище расширять, Иваныч, – начал один из них, – а то помру, хоть во дворе зарывай.

– Живите на здоровье, – попросил Васильков. – Кто вам мешает? На тот свет всегда успеете.

– Так-то оно, жить любо, да не знаешь, когда смертный час ударит. Пошла мода, – продолжал бородатый дед, сдерживая волнение, – захватывать по пять-шесть мест на кладбище, чтобы, значит, впрок, для родственников.

– Впрок? – удивился Васильков. – Что-то я не слышал.

– Нет уж земли, куда положить, – всё толковал дед.

Остальные поддерживали его.

– Что ж, дело житейское, неотложное, будем решать, – заверил глава стариков.

И они ушли довольные, что удалось договориться с властью.

На следующее утро Васильков поехал посмотреть кладбище. И пригласил с собой коммунально-го начальника Фёдора Леонидовича Лиса, дородного, круглолицего мужика средних лет.

Окраину городка называли Миронежье. Древнее предание гласило, что дружина князя Александра из Великого Новгорода, двигаясь к берегам Невы, встретило здесь один из передовых отрядов шведов. Завязался бой. Русские ратники окружили врагов и уничтожили. Маленькая победа стала предвестием удачи всего похода против шведов в устье Невы.

Храбрый князь, собрав рать, держал слово: «Благоверные мои воины, – обратился он к ратникам, – запомните сие место! Запомните, суть русской жизни – Бог, Мир, Нежность, Любовь... Сим никто никогда нас не одолеет!».

Чуть позже, по велению князя, на месте этого славного боя основали село. Его и называли Миронежье, что, по древнему преданию означало – мир, нежность, любовь...

Васильков и Лис не знали про старинную легенду. Село кануло давным-давно в небытие. Лишь сохранилось название, которым именовали округу и кладбище.

Ряды захоронений подступали вплотную к соснам. Дальше, насколько хватало взгляда, – литые стволы, могучие кроны.

– Неохота красоту рушить! – воскликнул Васильков. – А куда денешься? Справа дорога не даёт, слева микрорайон запланирован, проект уже есть. Придётся...

– Да, придётся вырубать, – подхватил Лис начатую фразу главы.

Иван Иванович ещё сокрушённо повздыхал.

– Не откладывайте в долгий ящик, – попросил он коммунального начальника. – Оформляйте всё по закону, чтобы комар носу не подточил.

– Само собой, оформим, – заверил коммунальщик. – По закону. А как же!?

Через некоторое время за подписью главы района Фёдор Леонидович получил соответствующую просьбу по расширению кладбища.

Васильков, по множеству иных забот, не вникал в подробности того, как и что делалось в Миронежье. Иногда он спрашивал Лиса, тот заверял: «Всё идет нормально». Когда расчистили участок и стали на нём рыть могилы и хоронить, неожиданно возникло уголовное дело.

Оказалось, что Фёдор Лис и директор лесхоза Борис Михайлов не выправили лесорубочный билет, не заплатили пошлину за землю. Чтобы отвести вину от себя, Михайлов написал заявление в прокуратуру – «о незаконной порубке неизвестными лицами 500 деревьев и причинении лесному хозяйству ущерба в особо крупном размере».

Вот оно как всё обернулось!

Следователи первым делом почему-то предъявили обвинение главе Сосновогорского района в «умышленных действиях», «использовании служебного положения» и «самовольном принятии решения о расширении кладбища». В документах прокуратура утверждала, будто Васильков «действовал с группой лиц по предварительному сговору».

Эти события явились большой неожиданностью для главы.

– Вот мои руки – чисты! – повертел ладонями Васильков перед следователем из области Евгением Зайцевым. – Ни одной копейки не прилипло. Я всегда жил честно.

– Это всё эмоции, Иван Иванович, – возразил тот. – Расследование покажет, что и как. Подождём!

Когда следователь ушёл, Иван Иванович пригласил к себе Лиса.

– Фёдор Леонидович, как понимать всё это? – спросил он коммунальщика. – Мы же, ещё в Миронежье, договаривались, что Вы всё сделаете по закону. А что вышло? Почему?

– Не знаю, я не виноват. Я говорил Вашему «заму», говорил директору лесхоза. Не знаю, чего они тянули, – хотел снять с себя вину коммунальщик.

– Не обижайся, Фёдор Леонидович, но мне ничего не остаётся, как предложить: пиши заявление об увольнении и сдавай дела, – он взглянул на него.

– Если останешься, меня ни в районе, ни в городе не поймут, – заключил Васильков. – Как я буду людям смотреть в глаза?

Не бывает ошибки, которую нельзя было бы исправить. Миронежье не стало в этом смысле исключением.

В срочном порядке Сосновогорский район выполнил необходимые формальности с учётом податей и сборов. Все документы быстро отправили в Москву. Председатель правительства России издал распоряжение о выделении участка в десять гектаров под кладбище, а район заплатил из своего бюджета в федеральный бюджет один миллион рублей за перевод земель лесного фонда в земли иных категорий. Такой вопрос тогда могло решать только правительство в Москве.

Оказывается, за всё надо платить, даже за место упокоения.

Уголовное дело по Миронежью прекратили.

Но потухший костёр, похоже, кто-то сильно желал опять раздуть.

...Слух о приезде высокого чина из Питера быстро облетел городок. «Вот бы к нему пробиться, – размышлял Лис, – поговорить по душам». Обида Фёдора Леонидовича на Василькова вспыхнула снова. С Зоей Завидовой он был знаком, и через хозяйку гостиницы попросил аудиенцию у Краснощёкова.

По дороге в гостиницу «Урочище» Лис встретил знакомую женщину из управления культуры, увидел, что она была очень расстроена чем-то.

– Откуда глаза заплаканные? – полюбопытствовал Федор Леонидович. – Что случилось?

– Иван Иванович с мероприятия развернулся и ушёл, когда узнал, что мы с детей за вход деньги брали, – всхлипывала она. – Да копейки и брали-то. После вызвал меня на ковёр объясняться, вот иду от него.

– Самодур настоящий! – посочувствовал ей Лис. – Ничего, скоро отольются ему твои слёзы.

И не забыл упомянуть о культуристке, будто сам присутствовал при разборке Василькова с ней, когда говорил с чиновником. Фёдор Леонидович выкладывал Краснощёкову всё наболевшее. Здесь были «его подробности» истории с кладбищем. Здесь был конфликт главы с редактором районной газеты Сергеем Портновым. Тот написал разгромную статью про Сталина, а Васильков спросил: «Если Сталин был бы жив, напечатал бы ты такой бред? Думаешь, мёртвые сраму не имут?».

И ещё многое чего вспомнил бывший коммунальщик. Со слов Фёдора Леонидовича возникал образ жуткого монстра в лице Василькова.

Инспектор аккуратно заносил в свой блокнот рассказ Лиса.

– В каком времени он живёт? – произнес Краснощёков. – Он забыл, что у нас давно рынок?

– Забыл! Точно, забыл! – возбуждался Лис. – Приказал возить школьников из деревень в плавательный бассейн, чтобы бесплатно плавали. Бесплатного ничего нет! Платим-то мы! Бесплатно заставлял давать молоко ученикам в школах и ребятишкам в детских садах. Куда такое годится?

– Ну и ну! – поддакивал Краснощёков отставному коммунальщику.

Лис ушел от гостя с предчувствием больших перемен в Сосновогорске.

2

Сосновый бор очаровывал, завораживал, манил к себе.

Тропинка, побеленная первым снежком, вела к извилистой речке. Рядом, будто древние стражи, росли величественные сосны. Запрокинув голову, Краснощёков любовался их вершинами, вдыхал свежесть утра, необыкновенную свежесть, какой не бывает в городе – бодрящую, пьянящую.

Он гулял перед завтраком, место было недалеко от гостиницы «Урочище».

Небо над головою сияло чистотой. Только вдали за бором, на той стороне небольшой речки, два тёмных пятна портили небесное умиротворение. Пятна быстро, прямо на глазах, расширялись и приближались.

Краснощёков вдруг уловил какой-то гул: «У-у-у...». Он оглянулся по сторонам, повернулся, но кругом никого не обнаружил. Валентин Васильевич взглянул вперёд, от страха у него ноги подкосились.

Из лилово-синей тучи видимая, крутящаяся, как волчок, воронка касалась самой земли. Достигнув речки, воронка быстро всосала в себя столб воды с мелкими крошками льда и понесла дальше.

В бору чёрная воронка вырвала с корнями могучую сосну и закрутила, как пушинку. Стихия ломала сосны, будто спички, но треска стволов не было слышно. Щепки, сучья, ветки роились в воздухе.

– Ураган! – истошно закричал Краснощёков и бросился побежать к гостинице.

Издали крыша её показалась инспектору единственным спасением от грозной беды.

Тут же могучий порыв ветра свалил Краснощёкова на землю. Он больно ударился плечом о большой камень, лежащий рядом с тропинкой. Сгоряча не обратил внимания на боль, поднялся и снова побежал. Не помня себя от страха, Валентин Васильевич взбежал на горку, откуда до гостиницы было близко.

Вдруг он почувствовал сильный удар по голове, вскрикнул, упал ничком и потерял сознание.

Толстый сук, оторванный от сосны, кружась в вихре, задел Краснощёкова по затылку.

Инспектор лежал на земле, а стихия набирала обороты.

Зимний ураган, по невидимой линии обойдя «Урочище», обрушил невысказанную силу на пригородные дачи, кварталы Сосновогорска и окрестности. Звенели выбитые в домах стёкла, кружилось бельё, сорванное с балконов и лоджий. В воздухе мелькали какие-то тряпки, чья-то одежда.

С крыш сельских ферм взлетали, будто игрушечные, листы шифера, и, падая на что-нибудь твёрдое, рассыпались на мелкие кусочки. На некоторых строениях не выдерживали стропила и доски.

Порывы ветра рвали провода электропередач, искры снопами вспыхивали от замыканий, в нескольких местах упали металлические опоры. Город и район остались без электричества и газа, словно наступил конец света.

Ближе к вечеру, когда стемнело, стихия уgomонилась. Над горизонтом всплыла багрово-жёлтая большая Луна, скупо осветила содеянный стихией разор. Будто невидимый кто-то взирал на попечения человеческие, произнося: «За грехи ваши!». Будто кто-то невидимый напоминал о тщете людских усилий изменить, предать забвению то, что начертано Богом.

Стало уже совсем темно, но из здания администрации никто не уходил.

В кабинете у Василькова горели толстые хозяйственные свечи, поставленные на деревянный ящик, от них было светло и необычно. Связь работала. Иван Иванович, забыв про еду и сон, звонил в областной центр, в Москву, в соседние районы, просил о помощи. Несколько раз он выезжал на места, пострадавшие от урагана. Действовал штаб по ликвидации последствий стихии. В Сосновогорск из области прибыли бригады по восстановлению электролиний, из крупного города в соседней области поступили несколько энергоустановок.

Налёт урагана обошёлся без человеческих жертв, без потерь скота на фермах, и это радовало Василькова.

– Только бы не заморозить отопление в школах, в районной больнице, в садиках, в жилых домах, – беспокоился он, беседуя с заместителем Вениамином Скирдовым. – Мобилизуйте всё, что можно, попросите военных, чтобы оказали содействие. Да, обожди! Я вспомнил: у нас на комбинате был этот, как его... энергопоезд. В мою бытность директором приобретали. Электричества от него хватит почти на весь город. Уточни, в каком он состоянии? Если в рабочем, надо срочно заводить и подключать к сетям.

Заместитель ушёл. Васильков неожиданно вспомнил, что вчера Виктор Булочкин говорил про федерального инспектора. Он позвонил и попросил помощника выяснить, где гость, чтобы завтра с ним встретиться.

– Краснощёков попал в ураган, – доложил помощник.

– Мы все попали в ураган! – сказал Иван Иванович. – Что тут особенного!

– Пошёл на прогулку, – пояснял Булочкин, – в сторону бора. Когда поднялся ветер, его чем-то ударило...

– И что? – допытывался глава.

– Потерял сознание, водитель обнаружил его. Увезли в Петербург.

– Пришёл в сознание? – уточнил руководитель.

– Не знаю. Наверное, пришёл.

– У нас в районной больнице могли бы оказать ему помощь не хуже. Зачем было увозить? – недовольно пробурчал Иван Иванович.

Он подсознательно почувствовал вину перед гостем, хотя и не видел его. Чутьё подсказывало, что вынужденный отъезд федерального инспектора доброго не сулил.

Вошёл Вениамин Скирдов с красными пятнами на щеках.

– На комбинате нет энергопоезда, – доложил заместитель, – говорят, продали.

– Как продали? Кому? Обожди! Почему я не знаю? – Васильков начинал заводиться, хотя старался в любой ситуации оставаться спокойным. – Это же вам не какая-то игрушка. Вы, Вениамин Сергеевич, курировали комбинат. Кто разрешил?

– Продали в Великие Луки одному предпринимателю по его просьбе. Руководство комбината ко мне обратилось, я дал добро, – не стал скрывать Скирдов, вытирая носовым платком вспотевший лоб.

– Обожди, а интересы города? – не мог сдержаться глава. Вы об этом-то хоть подумали? Вот случись кутерьма, как сегодня, энергопоезд нам пригодился бы. А теперь его нет! Надо в дом тащить, а Вы тащите из дома. Ну, и дела!

– Ладно, иди, – махнул рукой глава. – Придётся разбираться в этой истории с энергопоездом.

«Неплохой мужик, – думал глава о Скирдове, когда тот ушёл, – да больно жадный до денег. Откуда у него? Раньше вроде бы не имел такого пристрастия. Неужели власть подпортила Вениамина? И сам я, глава, не доглядел, не одёрнул зама, хотя поводы были. Поторопился назначить правой рукой. Разве войдёшь в чужую душу? Себя-то толком не поймёшь!».

«Как не крути, – продолжал размышлять Васильков, – но, видимо, придётся и с ним расстаться».

По своей доброте Иван Иванович не стал просить правоохранительные органы завести дело на Скирдова по поводу продажи энергопоезда. Отпустил его с миром. Не думал о том, что доброта может обернуться неприятностями для него самого.

Зимнему урагану синоптики дали название «Лирик». Быт городка постепенно входил в привычное русло. Хотя кое-кто из горожан остался недоволен тем, как власти устраняли последствия стихии.

Один из них, который назвал себя «просто житель Сосновогорска», пожаловался в Москву, а оттуда жалобу по инстанции переслали в Санкт– Петербург.

«По нашему району прогудел снегопад и натворил много бед. Если быть точнее, с вечера 19 декабря до вечера 24 декабря отсутствовало электричество, не было воды и отопления. В школах, магазинах, интернате полопались батареи, потрескались трубы. Отсюда вытекает вопрос: «Почему такая подготовка к стихийным бедствиям? Где гражданская оборона?»

Насколько мне известно, все котельные должны иметь генераторы (по условиям МЧС), а у нас в городе их нет вообще (или были, но разворованы и проданы), – писал он. – Привезли генераторы через пять суток, когда стояли морозы, и жители не знали, куда себя деть, скупали фонарики и свечки в магазинах и палатках на рынке. А наш глава преспокойно устраивал соревнования по лыжным гонкам, даже, по слухам из администрации, купил «пушку для выработки снега», так как его было мало на данный момент.

И самое интересное, что все об этом знают, но боятся сказать, потому что слетят с работы. Даже наш прокурор с главой администрации на одной ноге, не говоря уже о других организациях. Вот и я пишу анонимно, потому что выгонят с работы, а работы у нас практически нет (если только бери больше, кидай дальше).

Кстати, чиновники докладывают, что всё нормально, ничего страшного нет, я имею в виду снегопад и ураган. Но это далеко не так, в городе просто бардак. Кстати, глава за взятки раздаёт совхозы своим друзьям, такая у нас демократия...

Пожалуйста, разберитесь!»

Похожие анонимки писали на Василькова и раньше. По одной из них и приезжал разбираться федеральный инспектор Краснощёков.

«Следующая остановка – Невский проспект», – объявили в электропоезде.

Краснощёков протиснулся к дверям вагона, чтобы успеть выйти на объявленной станции метро.

В тот момент на самом проспекте к «карману» тротуара припарковалась роскошная японская иномарка. Из неё вышел мужчина средних лет в расшитой дымчатой «дублёнке», бросил водителю: «Я пройду».

И он зашагал по Невскому проспекту.

Это был шеф Краснощёкова со странной фамилией Баннов. Он пребывал в отличном настроении, мысленно воспарил на небывалую высоту. Ему мнилось, что людской поток на Невском проспекте, сам Петербург и вся Россия, а за ней и остальной мир окажутся скоро у его ног, то и дело вождельённо вопрошая: «Господин, что желаете? Исполним сиюминутно!»

Собственными ушами Баннов улавливал эти приятные зовы неисчислимых людских толп, отчего сбавил шаг, смутился, остановился, произнёс вслух: «Подождите! Я ещё не готов, ещё не пробил мой час!».

Какой-то прохожий, что шёл рядом, услышал тираду Баннова, спросил: «Что-то случилось?».

«Извините, – опомнился мечтатель. – Всё в порядке, так, знаете, пустяки».

Баннов улыбнулся, его чёрные усы сложились в стрелочки.

Сладкие мечты имели под собой серьёзные основания. Недавно Баннова назначили управителем территорий, которые простирались от янтарного берега Балтийского моря до глухих архангельских лесов и побережья Баренцева моря. Огромное пространство, способное вместить десяток Европ с её Парижами, Берлинами, Лондонами и массой «общечеловеческих ценностей», было под его властью.

В Римской империи чиновника такого ранга называли «иегемон»; у татар – «баскак», а у древних русичей – «губной», «кормчий». Теперь – «представитель» верховной власти. В сферу интересов Баннова попадал и Сосновогорск.

Мелкий снежок осыпал Невский проспект из хмурого неба, располагая Баннова к воспоминаниям.

Когда-то он страстно хотел стать миллионером. После окончания технологического института Баннов попал на большой завод, его назначили начальником отдела снабжения. Это совпало с началом «дикого рынка». Но для Баннова он не был диким, скорее – долгожданным. На всякий материал, который заказывал завод, он набавлял, никому не говоря, «свой процент», а после умело отстёгивал «процент» в личный карман. Так он быстро сколотил капитал, стал миллионером.

Нашлись завистники, «настучали» в органы, где на Баннова завели уголовное дело. Однако раскрутить дело не успели.

Почувяв опасность, Баннов, от греха подальше, уехал в заморскую страну, успел вывезти кое-что из своего капитала.

Там он изучал философию «праотцов», якобы они заслужили для себя и потомков особую субстанцию – некую «божественную душу». Этим «праотцы» выделялись среди всех народов, считали себя сверхчеловеками, а прочих – низшими существами, с ними можно поступать по-всякому: унижать, эксплуатировать, уничтожать, отбирать у них имущество.

За границей Баннов сильно увлекся философией «праотцов», даже написал научную работу на эту тему и получил учёную степень. С тех пор он ощущал себя носителем «высшего смысла», а всех остальных людей – достойными оказаться у его ног.

Прошло какое-то время, дело Баннова замяли. А при поддержке друзей он вернулся в Петербург.

Краснощёков чуть не столкнулся с шефом.

– Моё почтение, Велор Антонович, – протянул он руку. – С хорошей погодой!

– А, Валентин Васильевич, – отозвался Баннов. – Живой? Слухи дошли, что тебя унесло ураганом в Израиль.

– Я согласен. Но такой ураган разве унесёт туда? – поддержал игривый тон Краснощёков. – Только по башке мне чем-то стукнуло.

– Серьёзно? – озабоченно взглянул шеф на Краснощёкова.

– Побаливает затылок, но терпимо, жить можно, – отозвался подчинённый.

Они вошли в роскошное здание федерального представительства.

– Так, – взглянул Баннов на часы, – зайдёшь после двенадцати.

– Слушаюсь, – ответил Краснощёков.

В приемной «иегемона» ожидал пожилой мужчина с длинными волосами, завязанными в косичку на затылке. Баннов узнал в нём известного в Петербурге поэта и раскланялся.

– Как это там у вас? – вспоминал Велор Антонович. – «За границей не был и не тянет, и не потому, что щами сыт». Прекрасно! Талант!

Поэт не ожидал реверанса от чиновника высокого ранга.

– Благодарю, что помните мои строки, – оживился он. – Сейчас так редко встретишь человека, который знал бы наизусть стихи. Вы меня прямо удивили!

– Да, время смутное, – согласился Баннов. – Читают литературу мало, всё больше на экран смотрят.

Он взялся за ручку двери и обернулся.

– Чем могу Вам служить? – спросил Баннов гостя.

И рукой показал, чтобы тот проходил в кабинет.

Поэт благодарно поклонился, вошёл в кабинет и сел на стул у стены.

– Извините за беспокойство, но нынче у тех, кто пишет, есть одна просьба к власти – помочь издать рукопись, то есть, нужны средства, – начал поэт с некоторым волнением. – Вот и я пришёл к Вам с такой просьбой.

– Время трудное, тяжёлое, – посочувствовал Велор Антонович. – Это я понимаю! Но в беде мы Вас не оставим. Вы знаете, время такое, что всё нужно просчитывать, всё нужно учитывать. Рынок, одним словом. Если товар не нужен, то он и не нужен, а если нужен, то он и нужен.

Поэт с трудом вникал в смысл речи заместителя, не совсем понимая, куда он клонит.

– Вы мне отказываете? – поднял он взгляд на чиновника.

– Ну, зачем Вы так! – обиделся Баннов. – Я Вам очень сочувствую. Мы изучим вопрос. Если у населения подведомственных мне территорий есть потребность в Вашей новой рукописи, то мы обязательно её издадим. А если нет – уж, извините нас.

Поэт уловил лукавство в ответе Баннова.

– Кто будет определять? – поинтересовался поэт. – Эту самую потребность населения?

– Наши эксперты. Натуры тонкие! – ответил Баннов. – Вы не беспокойтесь, они подойдут к Вам без всякой предвзятости.

– Хорошо, – согласился поэт и попрощался.

Одним из экспертов служил у Баннова бывший начальник пожарного управления. Велор Антонович поручил ему «разобраться с поэтом». Разобравшись, бывший пожарный отказал стихотворцу.

Сидя у себя в кабинете, Виктор Васильевич пребывал в сомнении по поводу своей проверки анонимки из Сосновогорска. Сказать, что он её толком не проверил, что у него не было встречи с Васильковым, то шеф, пожалуй, осерчает, не сказать – ещё хуже. Краснощёков достал из портфеля блокнот, стал листать страницы, и припомнил всё, что ему поведал Лис. Это вернуло ему уверенность.

– Заходи, заходи, – пригласил шеф.

Краснощёков представил шефу доклад о поездке в Сосновогорск.

Баннов слушал его молча, иногда только делал какие-то пометки карандашом на чистом листе бумаги, который лежал перед ним.

– Погрязли все в коррупции, настоящая беда для провинции, – сказал Баннов, когда Краснощёков закончил доклад.

– Если не очистим города, районы, области от коррупции, тогда зачем мы здесь и сидим? – продолжал шеф. – Не так ли? Вы, Валентин Васильевич, бывший следователь, должны понимать это лучше меня. Какое-то кладбище с нарушением закона, бесплатные бассейны, как в коммунизме – что такое? Губернатору дай шифровку, а то он там спит на ходу. Как место у них называется?

– Какое место? – не понял Краснощёков.

– Где они лес под видом кладбища вырубали и воровали, – уточнил шеф.

– Миронезье, – ответил Краснощёков.

– Вот, вот, название хорошее, а дела тёмные, – изрёк Баннов.

– Как насчёт того, чтобы там поработать по лесу seriously? Привлечь заграничных инвесторов? – он посмотрел на Краснощёкова. – Сосновые боры, говоришь.

– Думаю, возможно. Вполне. Но глава должен быть другой, – сказал инспектор.

– Тебе и карты в руки, – напутствовал Баннов, – действуй!

От шефа Краснощёков спустился в лабораторию представительства. Там сотрудники разрабатывали для чиновников основы движения «Россияне вперёд!». Краснощёкову вручили «Тактика-лист» с символами, рекомендованными к использованию на практике:

- деньги выше жизни;
- историю необходимо переписывать;
- победа капитализма неизбежна;
- заграничное лучше отечественного;
- еврей – прибыльная профессия;
- лучший язык – язык уголовников;
- русский – не прибыльная профессия;
- меньше населения – легче управлять;
- продаваться должно всё, что существует;
- русская деревня – тормоз прогрессу;
- умеете делать деньги из воздуха;
- человек значит столько, сколько у него денег;
- лучшие в мире люди – наркоманы из США;
- долой мистику, да здравствует рынок!
- Это я уже читал, – вспомнил Краснощёков. – Что-то новенькое есть?
- Через месяц будет, – ответили ему.

4

Отец Серафим переставлял ноги, обутые в валенки. Он шёл мелкими шажками, как ребенок. Старец опирался на крепкую черёмуховую палку, жмурился от весеннего солнышка. Сухое лицо его выражало решимость, серебристо-седые волосы выбивались из-под красной камилавки, глаза светились, губы шептали молитву.

Старец собрался, наконец-то, навестить могилы родственников в Миронежье. Со стороны могло показаться, будто он и не переставлял валенок к валенку, а медленно плыл по воздуху, готовый, если потребуется, взлететь.

Побродил отец Серафим по великой Руси. Служил священником в дальних городах и сёлах, а когда вывели за церковный штат, вернулся в родной Сосновогорск. Люди прониклись почтением к нему – не отказывал в совете, утешал добрым словом, молился за страждущих. Иногда, если позволяли силы, старец добирался до единственного в городе храма в честь Святой Троицы, участвовал в службе.

Навстречу старцу шагал Алексей Борисович Ирисов, личность примечательная в здешнем народе. Он прогремел в пору, когда вожди в столице пообещали дать землю всем желающим. Ирисов, одолев препоны чиновников, первым взял несколько гектаров пашни и сенокосов, стал хозяином. Он выращивал овощи, картошку и продавал – тем и жил. Особых капиталов Ирисов не скопил, но существовал сносно.

– Отец Серафим, сам Бог послал мне Вас! Я к Вам иду. Доброго здравия! – остановил старца Ирисов.

– Спасибо, мил-человек! С Божьей помощью живу! – растрогался старец. – Что мои года! Мне вот 81-й стукнул. Если цифры переставить, то будет 18! Я ещё молодой!

Отец Серафим рассмеялся.

Ирисов в ответ широко улыбнулся.

– Отец Серафим, а если мои цифры переставить, то многовато выходит – 95! – применил к себе Ирисов методику старца.

Отец Серафим опять засмеялся.

– Не будем считать, кто старше, а кто моложе, – рассудил старец. – Это я так, уныние прогоняю, бесов пугаю.

– Не знаю, с чего мне и начать, – продолжал Алексей Борисович. – Может, отдельно к Вам придти?

– Да уж изволь! – предложил старец. – Зачем откладывать?

– Прошу у Вас благословения, – посерьёзней Ирисов. – Я хочу часовню в Миронежье поставить.

А то люди приходят к могилкам, помолиться негде, помянуть по-христиански негде.

Отец Серафим взял черёмуховую палку в левую руку.

– Бог тебя благословит! – осенил старец Ирисова крестным знаменем.

– Я не один, у меня есть единомышленники, – продолжал Ирисов. – Думаю, и власть поддержит.
– Мил человек, как тебя зовут? Что-то я запамятовал? – повернулся к нему отец Серафим.
– Алексеем меня зовут, – ответил Ирисов.
– Хорошее имя! – одобрил старец. – Помни, Алексей, Божий человек, что на Руси есть драгоценность, коей ни у кого нет – Вера православная, русское сокровище, оно дороже всякого золота и серебра.

– Так, отец Серафим, так! – кивал головой Ирисов, поддерживая мысли старца.
– Гряди с Богом, – старец осенил Ирисова крестным знамением.
– Мне теперь куда? Давайте Вас провожу.
Они вместе пошли в сторону Миронежья.
... Два раза в неделю по собственному почину Васильков принимал в кабинете горожан и жителей села; горожан после обеда, селян – до обеда, чтобы они могли приехать на автобусе, а затем вернуться домой.

Ирисов оказался последним в очереди.
– Давненько не заходил, Алексей Борисович, – встретил Васильков. – Как урожай овощей? Пора бы и ферму заводить как настоящему крестьянину, а?
– Может, Иван Иванович, и заведу. Пока же я пришёл по другому делу.
– Выкладывай, – предложил глава.
– Вот на бумаге обсказал.
– Моя роль в чём? – уточнил Васильков.
– Мне нужна помощь, хотя бы лесом, – попросил Алексей Борисович.
– Давай подумаем, – согласился глава.
– После урагана в районе вырубают просеку под новую линию электропередач. Там, пожалуй, можно что-то выбрать, найти какой-то лес для сруба часовни, – рассуждал глава. – Я поговорю с начальником колонны. А ты, Алексей Борисович, подготовь расчёты, сколько надо брёвен. Оформить следует через благочинного отца Александра.
– Не беспокойтесь, представлю, – заверил Ирисов.
– Считай, по рукам! – заключил Васильков.

Вскоре черновой сруб часовни уже красовался при входе в Миронежье. Чуть позже там всё оборудовали для проведения службы.

5

– Мы теперь укоренились так, что нас никто не одолеет! – Степан Бужайло поправил очки на носу, посмотрел в упор на Барахонского. – Понял?
– Понял, – вздохнул тот.
– Ни Баннов, ни Бананов, ни Апельсинов, никто другой не одолеет. Но, сам понимаешь, отмашку дать надо. Задание у тебя ответственнейшее! От исполнения зависит, оставят ли они в покое Сосновогорск, меня, тебя и ещё кое-кого. Понял? – инструктировал Бужайло.
– Понял, – тяжело вздохнул Барахонский.
– Поедешь инкогнито, не на лимузине своём, а обычным гражданином – в вагоне. И поменьше болтай в дороге, короче. Понял?
– Не понял, – словно очнулся Барахонский. – В вагоне? С таким грузом? А если меня ... того? Бужайло сурово посмотрел на него.
– Ты не школьник! Да, кстати, какое прозвище было у тебя в школе?
– Жирный Кот, – ответил Леонид.
– Подходит! – не удержался Бужайло.
– Будет Вам издеваться, – обиделся Барахонский.
– Вот портфель с суммой зелёных, отвечаешь головой. Вот билет до Питера. Через четыре дня быть у меня, – приказал шеф.
– Хорошо, – согласился Леонид.

Разговор происходил рано утром в кабинете Степана Харитоновича Бужайло, члена регионального правительства. Леонид Сидорович Барахонский служил помощником у Бужайло. Начальник отправлял его в командировку к Баннову.

...Скорый поезд стучал колёсами на стыках, быстро мчал в северную столицу. Устроившись в купе, Барахонский сладко заснул, положив под подушку потёртый жёлтый портфель, на который, если бы оставил без присмотра, едва ли кто позарился, не зная о содержимом.

Около одиннадцати утра состав подтянулся к платформе Московского вокзала. Леонид Сидорович вышел на перрон. Весеннее солнышко сияло над городом, и оттого настроение у приезжего поднялось. Он отправился в ближайшее кафе позавтракать. День предстоял трудный, может, не успеешь в суете перекусить.

– К Вам за столик можно? – спросила дама.

Барахонский поднял глаза от тарелки, и кусок застрял у него в горле.

– Мож... – протянул он, с удивлением прозревая в незнакомке бывшую однокурсницу Светлану Очкову.

Она, похоже, не узнала его, или сделала вид, что не узнала.

– Простите, – сказал Барахонский, – Вы очень похожи на ту, которую я когда-то...

Дама внимательно посмотрела на соседа, глаза её заискрились.

– Лёнчик? – спросила она. – Это Вы?

И громко рассмеялась.

– Светик, дорогая, вот так встреча! – воскликнул Барахонский. – Честно скажу, не ожидал. Сколько лет, сколько зим...

– Много, много, – улыбалась Светлана.

– Подожди, – сказал Леонид Сидорович, – я мигом.

Он поднялся из-за столика и вернулся с двумя бокалами коньяка.

– Это надо отметить! – важно произнёс Барахонский, – Такое в жизни бывает очень-очень редко.

– Я не возражаю, – поддержала Очкова.

Полилась беседа, передать которую невозможно. Тут было всё: и воспоминания студенческой молодости, и сердечные откровения, и всякие смешные истории, и суждения о текущей жизни, и самые прямые вопросы и самые искренние ответы. Леонид Сидорович забыл, зачем он приехал в Питер. Когда вспомнил, поручение Бужайло показалось каким-то несерьёзным в сравнении с тем, что произошло в кафе.

– Надо же! – удивлённо произнесла Светлана. – У меня сегодня отгул, я могла бы понежиться в постели, а вот поехала, будто что-то меня вело сюда.

– Провиденье! – поднял вверх палец Барахонский.

– Может, и так, – Светлана улыбнулась. – Ты очень занят?

– Есть у меня одно дело, но не срочное, потерпит. А что ты предлагаешь?

– Давай махнём ко мне в Петергоф, отметим встречу по-настоящему, – ласково посмотрела Светлана на Барахонского.

– Идея! – согласился тот. – Отличная идея! Но что скажут твои домашние?

– Я живу одна. Сын взрослый, он работает геологом в Тюмени, – ответила Очкова.

«Может, это судьба» – подумал Барахонский, взял портфель, и они вышли из кафе.

В молодости Леонид любил однокурсницу, она отвечала ему взаимностью. Из-за какой-то нелепицы их отношения расстроились, скорее всего – из-за вспыльчивого характера Жирного Кота. Он уехал, и с тех пор не знал ничего о Светлане. Семьи у него не было. Теперь чувства затрепетали в Леониде, он ощутил себя молодым и озорным.

Час езды со Светланой в электричке до Петергофа промелькнул, как одна минута.

Пока Барахонский принимал душ, Светлана накрыла на стол. Из женского любопытства она попыталась заглянуть в жёлтый портфель Лёнчика. Замок был цифровой, кода она не знала, поставила портфель на полку в прихожую. Сели за стол.

После очередной рюмки Леонид Сидорович спросил:

– Светик, где мой портфель?

– Там, в прихожей, – ответила она.

– Можно убрать его в потаённое место? – попросил Жирный Кот.

– У тебя в нём тайна? – улыбнулась Светлана.

– Тайны нет, но важный груз, – загадочно ответил Леонид Сидорович.

– Хорошо, я найду укромный уголок, – согласилась Светлана.

И отнесла портфель в спальню, поместила в шкаф.

Вечером они гуляли по парку. Петергоф весною был красив, будто ожившая сказка.

– Помнишь, вон там мы купались в заливе? – Леонид показал вдаль.

– И ты обрызгал меня всю!

Они засмеялись.

Пришли поздно. Уже лёжа в постели, Жирный Кот тихо спросил:

– Светик, а ты хотела бы стать миллионершей?

– Не думала, не знаю, – призналась она. – Всё это сложно, мне не потянуть. Я когда-то мечтала о миллионе, а потом перестала мечтать.

– Ничего сложного в том нет, – заверил Леонид. – Завтра утром ты будешь миллионершей!

Женщина улыбнулась и тихо засмеялась.

...Прошло четыре дня. Прошло пять, шесть дней, а Барахонский так и не предстал пред очами Бужайло. Он звонил Леониду на сотовый, но телефон был заблокирован. Бужайло набирал Краснощёкова, тот зло, раздражённо отвечал, что Барахонский не появлялся.

Легкий мандраж одолевал Бужайло. У него дёргалось левое веко; он терялся в догадках о том, что произошло с Жирным Котом. Сам Леонид не представлял для Бужайло ценности, содержимое портфеля – да. При мысли, что доллары попали в чужие руки, у Степана Харитоновича потели ладони, звенело в ушах. Чтобы успокоиться, он доставал из сейфа американскую купюру в 100 долларов, нюхал с одной стороны, будто ароматный бальзам, нюхал с другой стороны, нюхал ещё раз, и постепенно приходил в себя.

Неизвестность не могла продолжаться бесконечно. Прождав две недели, Бужайло заявил в органы о «пропаже помощника Л.С. Барахонского». Там возбудили дело, объявили помощника во все-российский розыск. Два лучших следователя занимались поисками Леонида Сидоровича.

Через четыре месяца (а не через четыре дня!) Барахонский вошёл в кабинет шефа.

– Меня обокрали, избили, отлёживался у знакомых, – объяснил он своё отсутствие.

Бужайло не мог привлечь помощника за растрату – деньги были «левые». В тот же день он уволил Жирного Кота.

Прокуратура закрыла дело – человек нашёлся.

6

Вымирание русской деревни большой занозой сидело в сердце Василькова. Распад крестьянства был страшнее последствий урагана «Лирик». Иван Иванович дал себе клятву: в меру сил обратить распад вспять, вдохнуть надежду в людей села. В крестьянском быте лежало животворное начало всего.

На примере деревни он должен был показать, на что способен как глава. Он помнил, когда за молоком и сметаной земляки ездили к соседям в райцентр за пятьдесят километров, а за колбасой и мясом – в Ленинград. Ибо всё, что производили колхозы и совхозы в районе, «под метёлку» забирали и увозили в тот же Ленинград или Москву.

Как-то в таком рейсе мужики подпили, один из них потерял колбасу и пришёл домой ни с чем.

Уж скандал-то ему закатили!

И сам Васильков, когда директорствовал на комбинате, взял слабенький колхоз, поставил на ноги, наладил переработку молока и мяса. Рабочие по символической цене покупали продукты, а на столах в цеховых столовых бесплатно стояли сметана и творог – кушай, сколько хочешь.

Теперь, в «диком рынке», от крестьян не требовали поставок зерна, мяса, молока. Но и не помогали. Выживай, как хочешь! Кто-то успел выжить, а кто-то и нет. Начался второй, после коллективизации 30-х годов XX века, массовый исход крестьян с русской земли.

Иван Иванович понимал: если в районе умрут деревни – наступит крах. Он видел: ещё остались люди, их не надо учить, что и как делать – сами умеют. Только требуется поддержать экономически, создать условия, вернуть интерес к труду. И он, не жалея времени, мотался по деревням, колхозам и совхозам, которые уцелели; уговаривал, просил, обещал.

Народ откликнулся на хлопоты главы района. Кто-то взял две коровы, кто-то десять коров; зарегистрировали сто фермерских хозяйств, около трех тысяч личных подворий. Удержали от ликвидации полтора десятка колхозов и совхозов. Они именовались теперь товариществами или обществами.

Глава настоял перед депутатами района, чтобы тем, кто имел корову, а хозяйствам – за поголовье, платили из бюджета по две тысячи рублей в год, а тем, кто сдавал более трех тысяч литров молока от бурёнки – ещё тысячу рублей дополнительно.

Поголовье скота в районе быстро росло.

Кое-кто из коллег посмеивался над Васильковым. «Чудак! Чего он хлопочет? Зачем создавать лишние проблемы? – рассуждал руководитель соседнего района. – Привезут из-за границы и молоко, и мясо... и бананы»

Да, везли, возят и будут возить!

Правда состояла и в том, что в двух соседних районах, когда-то славившихся урожаями льна, картофеля, надоями, скотные дворы, телятники разорили, растаскали по брёвнышку, а поля не пахали и не сеяли, короче, село ликвидировали, как «классового врага».

Мужики перебивались огородами, подворовывали и продавали лес – тем и жили. Беда пришла и туда, куда, казалось, не должна была никогда придти – на мощные сельхозпредприятия, выстроенные «с иголочки» в советское время.

Как-то Иван Иванович собрался к Руковишникову, знакомому однокурснику по лесной Академии, тот давно звал в гости, жил он в Череповце.

– Выбрался, наконец, – обнял Василькова Александр Петрович. – Я рад. Ты, Ваня, всё молодеешь! Верно, бегаешь по двадцать километров?

– Куда хватил! Пять-шесть одолею, и то, бывает, пропущу, – ответил гость.

– Молодец! У меня на такие бега прыти не хватает.

– Слушай, – продолжал хозяин, – чего мы в городе будем колготиться? Поехали на дачу, дом на берегу реки, рыбалка – прямо из окна лови.

Перед рыбалкой Васильков устоять не мог.

От автотрассы дорога свернула в лес, поднялась в гору, и справа открылась мрачная картина – заброшенные производственные здания. Было впечатление, что по ним вели мощный артиллерийский обстрел.

– Что такое? – спросил Васильков у друга.

– Бывший животноводческий комплекс, – пояснил Руковишников. – Хочешь взглянуть?

Васильков кивнул головой.

Руковишников сбавил скорость, остановил машину на обочине. Они вышли на дорогу. Васильков рассматривал разорённый комплекс в обрамлении пейзажа начала лета. Чистая изумрудная зелень окрестного леса, пение птиц, переливы соловья не вязались с серыми разбитыми корпусами, наполненными жуткой тишиной.

– Когда-то откармливали четырнадцать тысяч бычков. Всё работало, как часы: своя котельная, свой автоцех, с километр отсюда – жилой посёлок, – рассказывал Александр Петрович. – Теперь, видишь, всё мёртвое. Вокруг какие поля! Сколько в них вложили средств, какие получали урожаи! Вон, видишь, поле кустами заросло!

– Кто разорил? – невольно вырвалось у Василькова.

– Кто? Рынок! – продолжал Руковишников. – Говорят, вырастить своего бычка не выгодно, выгоднее купить говядину за границей, в Бразилии или в Австралии. За ней на пароходе туда-сюда два месяца надо плыть, а тут под боком – своё, но не хотят своего.

– Слушай, Иван, – горячился Александр Петрович, – ты там ближе к власти, объясни, что происходит? Я своим умом понять не могу. Да, мы тогда, помнишь, орали: «Давай перестройку!». Но никто не хотел, чтобы вот так, как варвары, разрушали всё, что хорошо работало, что было нужно народу. Это же вредительство настоящее! Ты сам вот видишь!

– Обожди, дорогой Саша, про это не у меня спроси. Я отвечаю за то, что сам у себя делаю, а вот за это не могу ответить, – заговорил Иван Иванович. – Знаешь, мне ваш разор, да и разоры у нас напоминают «борьбу с опиумом для народа». Тогда, сразу после революции, церкви рушили, превращали в склады, в мастерские по ремонту тракторов и автомашин, в клубы и общежития. А теперь восстанавливают разрушенные храмы, строят новые. Так и с комплексами. Будут и их заново восстанавливать, и будут строить новые. Но когда? Никто этого не знает! Время уходит, вот что обидно...

Они сели в машину, поехали на дачу. На речке порыбачили, вечером попарились в баньке, от души отдохнули.

Васильков вернулся в Сосновогорск.

Впечатление от разорённого комплекса в Ульме и рыбалка не смогла затмить. Перед глазами так и продолжали стоять зияющие пустотой корпуса.

Когда Василькова пригласили на совещание к министру сельского хозяйства, который похвастался, что Россия закупает за границей миллионы тонн сухого молока, Иван Иванович не выдержал, громко выкрикнул: «Это же позор на всю страну! Мы должны вывозить молоко, а не ввозить!»

– Кто такой? – грубо бросил министр. – Почему перебивает?

Областной вождь объяснил министру, что автор реплики – «слишком эмоциональный» глава Сосновогорского района. Но поголовье скота в районе не сократили, а увеличили. Министр, услышав про поголовье, умерил гнев.

...Сидя за рулём вездесущей «Нивы», Васильков вспомнил мёртвый комплекс в Ульме. Иван Иванович боялся, чтобы такое не случилось в Заозёрье. Ради того он и катил в дальнее село района, объезжая канавы на разбитой дороге, обдумывал предстоящий трудный разговор с Рябининым, к которому он питал истинную симпатию.

Бывает, человек оправдывает свою фамилию. С Сергеем Рябининым был как раз такой случай. Он пригибался, гнулся, но поднимался. Снова гнулся до самой земли, но не ломался и не сломался. Так густую рябину где-нибудь на лесной опушке мнёт, крутит, рвёт ураган, а утихла стихия, и рябина распрямилась, стоит ещё краше.

Внутренняя сила в Сергее была устойчивее, мощнее внешнего напора, стремившегося расколоть, разять, превратить в пыль крестьянский мир.

Ещё до того, как Васильков стал главой района, в Заозёрье отчасти случилось то, что и в Ульме: ферму, правда, небольшую, по откорму телят разорили. Работы не стало, народ томился по селам, как неприкаянный, разбрёдался, кто в Сосновогорск, кто в областной центр, кто в Мурманск.

Жена Галина то и дело пилила Рябинина:

-Уедем, давай уедем...

Он всё отмалчивался, а однажды не выдержал.

– Нас земля спасёт! – бросил он жене, будто вбил кол на лугу. – Мне от земли ехать некуда!

Сергей взял пять гектаров пашни в аренду, это было поле, сразу за его домом. На кредит он купил трактор, распашал землю, посадил картошку. Осенью отвез урожай на крайний Север и продал, сам стоял на рынке. На выручку купил лес, поставил ферму у дома, полностью всё механизировал.

Галина была дояркой, бухгалтером, экономистом, зоотехником, короче – опорой Рябинина, и уже не помышляла об отъезде.

Пять лет минуло, бывший механизатор стал заправским хозяином. К нему шли мужики из ближних сёл, и он, когда была необходимость, особенно в сенокос или на уборке, давал им работу, и, что вызывало уважение, – вовремя и достойно платил. По соседству с хозяйством Рябинина хирели остатки совхоза, грозили обратиться в прах, когда по бревну растащат коровники, по кирпичику мастерские и гаражи, пашню займёт бурьян.

Васильков остановил «Ниву» у рябининского дома. Через палисадник прошёл к крыльцу, позвонил, но никто не ответил. Хозяева, похоже, отсутствовали. Иван Иванович вышел на главную улицу и зашагал к центру. Не доходя до здания сельской администрации, встретил Рябинина.

– Извини, Иваныч, небольшое ЧП в кузнице, пришлось срочно подойти, разобрались, всё нормально, – объяснил Сергей Михайлович. – Пойдём в избу.

Галина приготовила мужчинам свежий кофе.

Выслушав главу, Рябинин задумался:

– Не знаю, не знаю, Иван Иванович, – признался он искренне. – Пока я сам себе хозяин и сам ответчик во всём. Если беру под моё крыло бывший совхоз, то беру и ответственность за всё на себя. Так?

– Так, – подтвердил Васильков. – Пойми, если не возьмёшь, хозяйства не будет. Восстановить утраченное невозможно, примеры в районе есть. Давай вместе как-то противостоять разрушению. Никто за нас это не сделает.

– Никто, – согласился Рябинин.

Отхлебнул кофе, помолчал.

– Иван Иванович, а как быть с передачей? По закону надо совхоз выкупать. Таких денег у меня нет.

– Знаю, что нет, – сказал глава. – Предлагаю оформить льготную аренду, скажем, на пять лет, а там видно будет. Главное, чтобы Заозёрье не умерло, продолжало существовать.

Сладкая жизнь Жирного Кота под видом временного миллионера в Петергофе не прошла бесследно. Не получив содержимое портфеля, господин Баннов осерчал, помахал пальцем Краснощёкову: «Ещё один прокол, и тью-тью...»

Валентин Васильевич сообразил, что ему грозит, и быстро дал соответствующие указания, кому надо.

Следователь Евгений Зайцев, высокий, рыжеволосый мужик лет тридцати, семенящей походкой торопился к начальству.

– Возьмите в архиве уголовное дело по кладбищу в Миронежье, надо его возбудить заново, – приказал Зайцеву начальник отдела Фёдор Гордеев.

Следователь не ожидал такой новости.

– Помилуйте, Фёдор Степанович, – изумился Зайцев, – как заново? Я хорошо помню это дело. Я три года назад прекратил его, ущерб государству был возмещён, а Васильков, по большому счёту, и не был виноват. Мы и тогда-то в этом деле по Вашей просьбе сделали натяжку.

– Какую натяжку? – нахмурился Гордеев.

– Разве Вы не помните? – продолжал Зайцев. – Ведь что было? Решения администрации Сосновогорского района, где бы стояла подпись Василькова, то есть официального документа о расширении кладбища, не было, его Васильков не принимал. А мы, чтобы у нас был повод расследовать, утверждали, что он принимал такое решение. Не помните разве? С его стороны было дано лишь поручение ЖКХ и лесхозу, чтобы те решили вопрос в соответствии с законом.

– Евгений Иванович, – не скрывал раздражения Гордеев, – ты не чувствуешь духа политики. Идёт борьба с коррупцией. Понимаешь, борьба! Твои рассуждения в данном случае совсем не уместны. Васильков как раз и попадает под статью о коррупции, потому что он покрывал тех, кто нарушал закон.

– Ну, знаете, Фёдор Степанович, так под статью не трудно подвести и меня, и Вас и кого угодно, – гнул своё следователь Зайцев.

– Ясно, – сухо отрезал Гордеев. – Мне Ваша позиция понятна. Можете идти.

Зайцев вышел из кабинета начальника.

Через неделю после этого разговора заместитель прокурора области Константин Рыбкин принял постановление; документ гласил о том, что следователь Зайцев три года назад вынес по кладбищу «решение незаконное». Рыбкин приводил собственные доводы: глава Сосновогорского района Васильков «ущерб не возместил», «с явкой повинной не явился», «имел преступный умысел и корыстный интерес», «вред, причинённый преступлением, не загладил».

Решение следователя Зайцева отменили. Дело изъяли из архива, передали на новое расследование следователю по особо важным делам Анатолию Бриллиантову. Он создал оперативную группу из сотрудников правоохранительных органов в областном центре и в Сосновогорске.

И началась новая работа по старому «новому» делу!

В повестке, поступившей Ивану Ивановичу на работу в администрацию района, его приглашала на допрос старший советник юстиции, работница районной прокуратуры Мартышкина. Ниже было напечатано: «по делу о незаконном расширении кладбища в Миронежье».

Глава вызвал помощника Булочкина.

– Что за ерунда, Виктор? – Иван Иванович протянул повестку. – Дело давно закрыто. А тут опять какое-то дело. Уточни, откуда что? Я, конечно, схожу к Мартышкиной, прокуратуру надо уважать. Но ты всё же выясни, в чём причины?

В назначенный час Иван Иванович открыл дверь кабинета советника юстиции. Из-за стола на встречу главе вышла молодая женщина в белой юбке выше колен и голубой блузке с вырезом на груди.

– Здравствуйте, Иван Иванович, – протянула она руку. – Марина Сергеевна. Мне поручено составить протокол допроса. Подождите минутку, присядьте, я сейчас закончу.

Возле стола стояла девушка, Мартышкина спрашивала, где её изнасиловали: в гараже или в другом месте? Показывала девушке какие-то фотографии.

Когда девушка ушла, Васильков пересел на стул поближе. И пока Мартышкина что-то писала, взглянул на экран компьютера. Он увидел на экране свою фамилию и с удивлением стал читать протокол допроса, которого ещё не было.

«Ничего себе! Работает с опережением!» – подумал Иван Иванович про Мартышкину.

Удивление сменилось возмущением, потому что в тексте на экране Васильков признавался в том, в чём он не был виноват и чего не делал.

– Итак, начнём, – сказала Марина Сергеевна.

Она подвинула ближе к себе и открыла папку, где большими буквами было выведено: «Миронежье. Незаконное кладбище».

– Простите, Марина Сергеевна, можно спросить? – обратился Васильков.

– Да, – разрешила Мартышкина.

– Что у Вас там написано? – Иван Иванович показал на экран.

– Заготовка, – просто объяснила она. – Сейчас я распечатаю её и допрошу Вас. И если всё верно, то Вы подпишете, если не верно, тогда внесём поправки.

Она распечатала и подала ему листки.

Иван Иванович внимательно прочитал текст.

– Нет, я это подписывать не буду, – раздражённо бросил он. – Чепуха какая-то! Откуда Вы всё это взяли?

– Иван Иванович, я попросила бы Вас всё-таки выбирать выражения, – обиделась Марина Сергеевна. – Я не собираюсь дискутировать с Вами, я веду допрос.

– Понятно, – сказал Васильков. – Но я подписывать вот эту бумагу не буду, зря старались.

– Я же попросила Вас воздержаться от оценок, – вспыхнула Марина Сергеевна.

– Хорошо, хорошо, спрашивайте, – сдерживая раздражение, сказал глава.

– Итак, имели ли Вы корыстный интерес в деле расширения кладбища? – уточнила Мартышкина.

– Не имел, – ответил глава.

– Почему Вы не пришли с повинной в совершении преступления и не покаетесь? – продолжала она.

– Никакого преступления я не совершил, каяться мне не в чём, – сказал глава.

Допрос продолжался больше часа.

Из прокуратуры Васильков вышел на улицу, чувствуя опустошённость, как будто кто-то выскочил из-за угла, сильно ударил сзади и скрылся.

Слабости в себе, даже минутной, Иван Иванович не любил, быстро заглушил её мыслями о делах текущих. Вернулся в кабинет и работал до восьми вечера.

Слухи о том, что на главу «покатили бочку», мигом полетели по Сосновогорску. Всякий на свой лад толковал допрос руководителя.

Бывший коммунальщик Фёдор Лис, бывший заместитель главы Вениамин Скирдов и ещё некоторые, мнящие себя обиженными, обрадовались, встречаясь со знакомыми загадочно произносили: «Не всё коту масленица...».

Те же, кто шёл с Иваном Ивановичем в одной упряжке, в меру сил хотели изменить существование в городе к лучшему, пожимали плечами. Пересуды имеют определённые последствия. Чтобы предупредить их, редактор районной газеты Полина Иванова, встретив на улице главу, предложила:

– Иван Иванович, давайте напечатаем беседу с вами. Люди должны знать, что же произошло в Миронежье?

– Ничего особенного там не произошло, Полина Андреевна, – ответил Васильков. – Вы присутствовали на планёрках, и всё помните. Присутствовали прокурор, начальник милиции – ни у кого не было сомнений, возражений. Теперь говорят – преступление! Я вообще не против беседы. Но, честно скажу, опасаясь, как бы меня не обвинили в использовании служебного положения, этом ныне модном грехе.

– Вы зря опасаетесь, Иван Иванович, – заверила редактор. – Мы не собираемся петь панегирик Вам, а просто приведём факты и доводы.

Васильков согласился.

В газете вышла беседа, обычная, какие печатали не один раз. «У меня нет никаких сомнений в своей правоте, – отвечал глава на вопрос журналистки. – Мне незачем оправдываться и не в чём

каяться. В своей работе я никогда не ставил на первый план личных интересов, думаю, это хорошо знают жители города и района. Ну, а как гражданин, я имею право на защиту чести и достоинства...».

Когда газета попала в руки Анатолию Бриллиантову, он поспешил к прокурору области.

– Что творится! – возмущался руководитель следственной группы. – Нам мешают вести следствие. Это провокация! Чувствуете, идёт настрой общественного мнения, возможно, обрабатывают свидетелей. Надо что-то делать.

Прокурор согласился с Бриллиантовым.

Прокуратура вынесла постановление и обратилась в суд Сосновогорска с просьбой: вынести решение о временном отстранении Василькова от должности «в связи с тем, что он может оказать давление на свидетелей и иным образом воспрепятствовать производству дела».

Всё-таки «может оказать давление» – это одно. Если уже «оказал давление» – совсем другое.

Прокуратура умалчивала о том, где и как Васильков помешал следствию, потому что «вмешательства» не было.

8

– Ха-ха-ха, – рассмеялась Елизавета Алексеевна. – Корыстный умысел! Ой, мне дурно!

– Иван, чего-нибудь более оригинального они не придумали в прокуратуре? – спросила жена.

– Не придумали, – буркнул он.

– Да выкинь из головы, – горячилась Елизавета Алексеевна. – Пусть придут и найдут у нас счета в швейцарских банках, особняки на Канарах, в Лондоне, самолёты, пароходы, акции Газпрома, на худой конец – подержанную какую-нибудь иномарку, а? Я была бы рада! Чего молчишь?

– Слушаю тебя, дорогая, – улыбнулся Васильков.

– Корысть должна проявляться конкретно, а не фигурально, – продолжала она. – Пусть мадам, что тебя допрашивала, сходит и посмотрит на ту самую развалюху, где я с тобой и детьми прожила двенадцать лет – без газа, без ванной, а просто с печкой, и запечатлеет развалюху для уголовного дела. А!? И пусть мемориальную доску попросит изготовить и прибить: «Здесь жил директор самого крупного в Сосновогорске предприятия – лесокомбината. Учитесь жить для общества, а не для себя!»

– Лиза, успокойся ты, – попросил Иван Иванович. – Чего разошлась?

– Мне обидно, Ваня, обидно! – призналась Елизавета Алексеевна. – Из мухи раздувают слона, из пустоты лепят преступление. Всё, что касается тебя, касается и меня, и наших детей. Не так ли?

– Обожди, – вздохнул Васильков. – Так-то оно, конечно, так. Но дело ещё вилами по воде писано, а ты уже всю шумишь.

Он уже пожалел, что сказал жене о допросе в прокуратуре. Можно было поделиться с нею, когда всё прояснилось бы с кладбищенским разбирательством. Вообще-то, Иван Иванович старался не загружать Елизавету Алексеевну служебными новостями. Ей, директору городской музыкальной школы, матери двух сыновей, бабушки двух внуков и внучки, хлопот хватало и без новостей от мужа.

По поводу её семейной суеты Иван Иванович иногда шутил: «Вы живёте, а мы мучаемся...».

– Иван, ты очень доверчивый! На твоей должности это не всегда хорошо. Я тебе не раз об этом говорила, – продолжала супруга.

– Я привык верить людям. Как я буду работать, не доверяя людям? – возразил он.

– Ещё чего-нибудь и пришьют, не дай Бог. Например, то, что ты спас от разора, вместе с Рябининым, совхоз в Заозерье. Или про детский дом в Высокове наплетут. Не зря сплетни пускают, мол, ты продал здание с выгодой для себя, – не унималась жена.

– На всякий роток не накинешь платок, – нашёлся Васильков. – Ты же знаешь про детский дом, ребяташки переехали в город, занимаются спортом, ходят и к тебе в музыкальную школу, а там мы организовали прекрасный дом для престарелых людей.

– Я-то знаю, – не сдавалась Елизавета Алексеевна. – А вот другие, может быть, не захотят знать. Ох, не было бы беды. Ладно, я к внукам схожу.

Она оделась и вышла, во дворе пёс Жулька ласково замотал хвостом, провожая хозяйку.

Иван Иванович прилёт, хотел включить телевизор и посмотреть, но тут же задремал.

...Ему снился большой деревянный дом в лесном посёлке, где он жил с бабушкой Варварой Степановной. У бабушки была любимая поговорка: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж...». И её Ваня

усвоил эту поговорку за правило жизни. Он уже повзрослел, отслужил в солдатах, добывал кусок хлеба, работая в леспромхозе.

Однажды Иван шёл с работы, встретил соседку тётю Нюру:

– Иван, сделай одолжение, – попросила она, – отнеси аккордеон для Ленки вон в тот дом, занятия будут, теперь у нас музыкальная школа.

– Давайте, отнесу, – согласился Иван.

Взял инструмент, за руку повёл маленькую Ленку.

Раскрыв дверь, он увидел стройную, невысокого роста девушку, окружённую детьми. Взгляд её карих глаз встретился с взглядом Ивана.

– Это, вот..., – пробормотал он, язык будто прилип к нёбу.

Девушка улыбнулась.

– Что же Вы приросли к полу? – спросила она. – Ставьте инструмент сюда. Меня зовут Лиза.

А вас?

– Иван.

Месяца через два, встретив Лизу на улице, Иван сказал:

– Елизавета Алексеевна, гулять некогда, занимаюсь спортом. Выходи за меня замуж!

Лиза растерялась. Вдруг рассмеялась. Когда смех прошёл, серьёзно заявила:

– А что? И пойду. Я согласна!

...Васильков проснулся. Первые мгновения не мог понять, где он. Впечатления молодости, явленные во сне, настолько были свежи и ярки, что он с трудом узнавал комнату, словно чужой мир.

9

Всякий, посещавший кладбище в Миронежье, дивился искусным фотографиям, надписям, табличкам на памятниках и оградках. Сергей Марьин – а это он с любовью исполнял заказы горожан – имел мастерскую на первом этаже старого деревянного дома, где можно было выбрать услугу от семейного фото до металлической пластинки: «Осторожно, злая собака!».

К нему на чашку кофе заходил приятель Саша Бобров – балагур, весельчак, лучший в городе гонщик по лыжам.

– Привет олигархам! – шумно вступил он в салон. – Когда будем делить прибыль?

– Её давно поделили, – засмеялся Марьин, – про нас с тобой забыли.

– Так всегда! Ждёшь, ждёшь, а поезд уже ушёл, – изобразил Александр обиженного.

– Твой поезд не уйдёт без тебя, – вставил Сергей. – Кофе будешь?

– Наливай по сто, – улыбнулся Александр.

Они сели за небольшой столик. Сергей принёс бутерброды, вскипятил чайник, заварил кофе, дошёл до кипения на маленькой электроплитке.

– У тебя особый секрет, – поднес Бобров чашку к губам, – вкуснее кофе я не пил нигде.

– Спасибо на добром слове, – отозвался хозяин. – Давай откроем свою кофейню?

– А как Миронежье? Кто на кладбище всё будет делать?

– Совместим, – нашелся Сергей. – Скоро Миронежье надо снова расширять. На днях я был там, земли под могилы мало осталось.

– Нам не хватит? – вставил Бобров.

– Однозначно не хватит, – ответил Марьин.

– Да, люди мрут, будто мухи поздней осенью, – посерьезнел Бобров. – Я прошлым летом был под Москвой, у меня старшая сестра там похоронена. Когда её хоронили три года назад, пустошь была, то есть вырубленный лес. Можешь себе представить, огромная пустошь. Ныне приехал, смотрю – море крестов. Войны нет, живи да живи, а сколько умирают! Слышал, Василькова прессуют за кладбище?

– Слышал, – кивнул Марьин. – Мы с тобой Иваныча знаем, про себя вспоминает в последнюю очередь. Знакомый мне объяснял: мол, сыр-бор из-за срубленного леса. Его следовало оприходовать, а Лис с директором лесхоза налево толкнули, ну, а стрелки перевели на Василькова.

– Если мужика съедят, спорт в районе захиреет, чувствую я, – сказал Бобров. – Я вот, Сереёга, не понимаю одного: он столько доброго сделал для района. И за всё – такой на него накат! Ему вон за мемориальный комплекс памятник можно ставить...

– Точно! – согласился Марьин.

На Великую Отечественную войну из района ушло двенадцать тысяч человек, большая часть из них погибла. Васильков предложил создать музей под открытым небом, на мраморных плитах высечь имена отдавших жизнь за Родину. Кое-кто сомневался: за такое дело не брались и в областном центре. Но не зря говорят: глаза боятся, а руки делают.

Народ встрепенулся: кто нёс десятку, кто сто рублей, кто шёл на площадку, брал лопату и работал; кто помогал отыскивать в архивах неизвестных солдат. Память о войне соединила старых и молодых, фронтовиков и их внуков и правнуков.

На пустыре у школы быстро поднялся мемориальный комплекс, вступая в который всякий житель ощущал сердечный трепет.

– Серёга, как бы помочь Иванычу, – продолжал Бобров.

– Кто нас спросит? – оживился Марьин. – Раньше можно было пойти в профком или партком. Теперь, сам знаешь – идти некуда. Но идею твою я не отвергаю. Может, к фронтовикам заглянем, они мужики тёртые.

– Меня вызывал следователь, – понизил голос Александр, – принуждал написать клевету на Иваныча. Если откажусь, сказал, пришьёт мне дело о мошенничестве. Чуешь? Я от такой подлости отказался.

– Я бы сделал то же, – одобрил Марьин.

– Творишь? – спросил Бобров.

– Кое-что есть, покажу, – сказал Марьин и вышел.

Александр был посвящён в то, что Сергей собирал книгу «Неофициальных изречений», куда и Бобров иногда предлагал свои размышления. Марьин вернулся и протянул ему несколько листов, Бобров стал читать:

- *крест Христа сильнее сил зла, вместе взятых;*
- *миром правят «дегенераты», жаждущие истребления людей;*
- *жизнь дороже денег;*
- *Русь была превращена в «совдепию», а после в «резфию»;*
- *русского фашизма нет, есть русофобский фашизм;*
- *первейшая задача правителей – попирание тысячелетних народных святынь Святой Руси;*
- *западные «друзья» хотят сделать русского человека «недочеловеком», безголосой рабочей скотиной;*
- *чувство взаимовыручки – фундамент народа;*
- *каждый мечтает создать Конституцию лично для себя;*
- *перед природой мы нищие, но держим себя с ней как завоеватели;*
- *сломать русского человека мешает его личный огород;*
- *олигархический капитализм – прибежище псевдодемократов;*
- *от смерти не откупится даже богатый;*
- *искажение Истории в личных интересах – удел духовно уязвимых;*
- *издевательство над русским языком – наслаждение для работающих на телевидении и радио;*
- *изобретение новых способов отъёма денег у людей – ключевая задача управителей современной России;*
- *право сильного, богатого и бюрократа – превыше всего;*
- *независимость судов – красивая сказка для простаков;*
- *любимые люди правительства – богатенькие Буратино;*
- *скажем «нет» психологической войне против Руси;*

– И я принес тебе кое-что, – сказал Бобров.

Он передал Сергею исписанные от руки листки.

Повестку в суд Василькову бросили в почтовый ящик поздно вечером. Если бы не залаяла собака, он не узнал бы о ней, поскольку рано утром намечал поехать в командировку. Завтра судья К. Папулаз назначала заседание городского суда по заявлению прокурора об отстранении Василькова от должности.

– Будто я уголовник! – воскликнул вслух Иван Иванович.

Поспешил засунуть повестку в карман, чтобы не тревожить лишний раз Елизавету Алексеевну.

В зале заседаний суда Васильков увидел знакомых и незнакомых людей. Ксения Папулаз, федеральный судья, в чёрной мантии, открыла заседание. Иван Иванович не придавал особого значения происходящему в суде и поэтому пришёл без адвоката.

Назвав Василькова обвиняемым, судья спрашивала, как он мешал ходу следствия, на что Иван Иванович давал отрицательные ответы.

– Я пока в своём уме, и не дошёл до того, чтобы кому-то мешать, а паче следователям, – объяснял он. – У них своя работа, у меня своя.

Судья пригласила на заседание свидетеля Фёдора Лиса. Бывший коммунальный начальник убеждал суд, что окружение главы района «давит на меня», «заставляет говорить то, чего не было» – и всё в таком духе.

– Обожди! – не вытерпел Васильков и встал с места. – Совесть-то есть у тебя, Фёдор Леонидович?

– Подсудимый, я Вам не давала слово! – закричала судья.

Васильков сел, замолчал.

В лице у него пропала краска, липкая испарина выступила на лбу. Открытым ртом он глотнул воздух, повалился на бок, упал со стула и потерял сознание.

– Вот тебе и спортсмен! – сказал кто-то в зале суда.

Люди засуетились, забегали.

На «Скорой помощи» Василькова отвезли в центральную районную больницу. Ведущий кардиолог Антонина Попова, обследовав Ивана Ивановича, покачала головой: «Пульс падает, падает до двадцати ударов в минуту».

Она срочно принялась названивать главному кардиологу области, потом хирургу Виктору Гроту.

Наконец, услышала в трубке спокойный приятный баритон: «Что случилось, Антонина Павловна?»

Попова объяснила. «Нет, оставлять его в Сосновогорске нельзя. Везите немедленно к нам», – приказал Грот.

Утром следующего дня Васильков уже лежал в кардиологической палате областной клиники. Быстро провели необходимые исследования. После обеда главный кардиолог зашёл в палату.

– Добрый день, Иван Иванович, – он протянул ладонь. – Меня зовут Виктор Яковлевич. Как самочувствие?

– Лучше всех! – улыбнулся Васильков.

– Наслышан о Вас, наслышан! – сказал хирург. – Ну, да дело теперь иное. С мотором шутить нельзя. В Вашем положении выход один – операция, вживление стимулятора. Согласны? – спросил врач.

– Если другого выхода нет, тогда согласен, – ответил Иван Иванович.

Голубые глаза его повлажнели.

– Чудесно! Не откладывая, завтра же и сделаем. Не волнуйтесь, постараемся, чтобы всё вышло отлично, – заверил врач.

– Кто будет делать операцию? – спросил Васильков.

– Я, – ответил Грот.

11

Зимний день сумерничал, был похож на ночь, за окошком подвывала вьюга, клонило в сон. Я прилёг на диван и задремал.

...На опушке леса была только что закончена стройка нового дома из сосновых бревен с высоким крыльцом. По ступенькам можно было заходить слева и справа. Солнце светило в окна, наполняло весь дом радостью, передать её невозможно. Я праздновал новоселье. Ждал гостей, обходил комнаты, гладил ладонями свежие доски, улыбался. Гости всё не было.

Наконец, чей-то голос, не помню, чей и откуда, прозвучал, возвестил:

– Встречай гостя!

Я поспешил к двери. На крыльце стоял Иван Иванович. Широкоплечий, высокий, а лицо сияло ярче солнечного света.

–О! – удивился я. – Проходите, очень рад.

– Я рад ещё больше, – улыбнулся он.

Я протянул ладонь для рукопожатия, но увидел, что руки у Ивана Ивановича заняты; он держал два огромных батона, они источали приятный аромат.

– Вам подарок, – показал он глазами на батоны. – На всё новоселье хватит!

– Чудный подарок! – поблагодарил я.

Иван Иванович быстро прошёл в комнату. Положил батоны на стол. И так же быстро прошёл сквозь новую стену, будто её и не существовало. Я стоял в изумлении.

И тут нагрянули гости, множество гостей. В доме стало шумно, весело, заиграла музыка.

– Куда же Вы? – закричал я, пытаюсь догнать удаляющегося Ивана Ивановича.

Но больно стукнулся лбом о новую стену.

И проснулся.

Мысли путались, чувства пребывали в смятении.

Я попробовал обдумать то, что увидел во сне. Причём здесь Иван Иванович, сосновый дом? Поймай, поймай! Это же – гроб! Это же не моё новоселье, а его, но в иную жизнь, новоселье в землю Миронежья.

Мне стало не по себе. Я посмотрел на часы. До начала операции на сердце оставалось одиннадцать часов.

Я накинул шубу, вышел в метельный вечер – он уже не отличался от ночи. До ближайшего храма дошёл пешком.

В храме было тепло, пахло ладонном, свечами. На службе было несколько старушек. Рядом с ними сторбленный старичок со светлыми глазами непрерывно шептал молитвы, в ладони он держал поминальную книжечку.

Перед иконой Спасителя я встал на колени.

– Господи! – обратился. – Я весь состою из греха. Стыдно мне просить Тебя по моей грешности. Но не ради меня, а ради Высшего смысла, услышь, не забирай добрую душу Ивана Ивановича. Пощади, оставь, не забирай. Господи, помоги ему выжить.

Уже не помню, как вернулся из храма, как дожил до утра.

В полдень на моём столе раздался междугородный звонок. Я взял трубку.

– Вы просили, – сказал голос издалека, – поэтому звоню. Операция у Василькова прошла отлично, всё в порядке.

– Спасибо, – обрадовался я. – А Вы кто?

– Я – Грот, – ответил голос на том конце.

Трубку положили.

Хирурга я ни о чём не просил!

– Молодцом держитесь! Садитесь поближе, – говорил врач. – Так, проверим пульс.

Он взял руку Василькова.

– Около нормы, отлично! Ложитесь, я проведу настройку стимулятора, после объясню, Вы научитесь сами управлять Вашим сердцем, – хирург держал в ладони прибор с разными кнопками.

В это время, когда Грот регулировал стимулятор, вживлённый в аорту Василькову, за сотни километров от клиники, в суде Сосновогорска кипели страсти. Судья Ксения Папулаз вторично рассматривала дело об отстранении главы от должности. Она знала, что накануне он перенёс операцию на сердце и не мог присутствовать. Знала, что он поехал в областной центр на приём к врачу.

Всё это не смущало федерального судью. По её разумению, отсутствие Василькова возмещали понаехавшие прокуроры и следователи во главе с Анатолием Бриллиантовым.

Один из них заявил в суде, что с болезнью, как у Василькова, «можно в космос летать», и вызвал радостное оживление в зале. Суд удовлетворил обращение прокуратуры – Василькова отстранили временно от должности главы района.

О решении, как о большой победе в борьбе с коррупцией, тут же сообщили в новостях по областному радио и телевидению, а на следующий день напечатали на первых страницах областных газет. По сотовому телефону о решении суда сообщили областному прокурору Гажутову, который отдыхал на Канарских островах. От радости прокурор купил на пляже соломенную шляпу за 500 долларов.

Новость об успехе следователей и прокуроров долетела до управления территорий в Петербурге. Краснощёков не замедлил явиться к Баннову.

– Зачистка в Сосновогорске прошла отлично, – доложил он. – Остались детали. Если только один плавательный бассейн передать в частные руки, то можно Вам, Велор Антонович, помочь приобрести ещё одну квартиру. С прежним патриотом это было бы невозможно.

– Смотрите, чтобы не как с Жирным Котом! – шеф напомнил о проколе.

– Исключено! – изобразил подобострастие Валентин Васильевич.

– Вырубим коррупцию под самый корень, – заключил Баннов.

Он говорил так не потому, что любил закон, а потому, что имел двойное гражданство: российское и израильское, и второе было ему ближе. «Рубка под корень», по разумению иегемона, означала возбуждение новых уголовных дел против Василькова.

Указания управителя подлежали исполнению.

И пока Васильков возвращался с приема врача в областном центре, следователи долго допрашивали врача-кардиолога Антонину Попову, добиваясь у неё признания в том, что Иван Иванович «симулировал болезнь», что никакой болезни вовсе не было.

Антонина Павловна была шокирована наглостью дознавателей, терпение её лопнуло, она не стала отвечать на их вопросы.

На другой день во Дворце культуры Сосновогорска собралась внеочередная районная Дума. Депутаты обсуждали предложение Совета ветеранов о присвоении Василькову звания «Почетный гражданин Сосновогорского района».

– До какого позора мы дошли! – возмущался с трибуны фронтовик Григорий Васильевич Воробьёв. – Двадцать лет он у нас живёт, а мы его будто не знаем. Что за слепота? Если бы не он, в районе детские сады, клубы, дома культуры, спортивные площадки, да и половину школ позакрывали бы. Да, у нас нет права встречать в дела следствия, будь оно неладно, но свою позицию надо обозначить.

Под аплодисменты депутаты присвоили Василькову звание «за большой личный вклад в укрепление производственного и сельскохозяйственного потенциала района, развитие социальной сферы в городе и на селе».

Узнав о том, Иван Иванович поблагодарил их за поддержку. Она, какой бы не была значимой, уже не могла вернуть ему былую силу и энергию.

Операция на сердце давала о себе знать. Третий месяц Васильков пребывал на больничном режиме, ему присвоили вторую группу инвалидности. Он не сдавался болезни, по-прежнему по утрам выходил на улицу в спортивном костюме, только уже не бежал, а не спеша гулял по сосновому бору вдоль реки, в том месте, где Краснощёкова настиг ураган.

Следовательский маховик, будто мельничное колесо под напором воды, продолжал набирать обороты. Как грибы после дождя, возникали новые дела, росли в прокуратуре папки документов и допросов, избобличающие Василькова на посту главы района.

Описать то, что собрали подопечными господина Бриллиантова, нет возможности, хотя центром их деятельности оставалось Миронежье. Наконец, на стол судьи Ксении Папулаз легли увесистые тома «кладбищенского преступления».

Суд был долгий, затяжной, с протестами, отводами и прочими атрибутами, знакомыми любому, кто оказывался перед завязанными очами российской Фемиды.

О, если бы всё-таки повязку с её глаз сняли!

Василькова признали виновным, обязали заплатить штраф в размере ста пятидесяти тысяч рублей.

Я увиделся с ним, когда приехал на встречу с читателями в Сосновогорск.

– Вот, дорогой мой, какие пироги: уплачиваю штраф с пенсии, – с иронией бросил он. – Точка в деле не поставлена. Я не признал себя виноватым, и я, действительно, не виноват. Мой адвокат продолжает воевать, конца нет. Подали документы в Москву. Может, там разберутся? Я питаю надежду!

– Дай-то, Бог, – вставил я. – Сколько же терпеть унижение?!

Мы шли по тропинке в сосновом бору.

– Я тут, в шутку, думаю, позвоню в Миронежье, зарезервирую место. Мало ли чего? – продолжал Иван Иванович. – Звоню, значит, а мне отвечают: «Земли нет! Хоронить некуда!»

Васильков рассмеялся.

– Остается жить, другого выхода нет! – добавил он.